

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Коллин К. К.** Информационные аспекты ноосферного образования // Открытое образование. – 2005. – № 6. – С. 63–65.
2. **Урсул А. Д.** Путь в ноосферу: концепция выживания и устойчивого развития человечества. – М. : ЛУИ, 1993. – 275 с.
3. **Печчеи А.** Человеческие качества. – М. : Прогресс, 1985. – 312 с.
4. **Лызь Н. А., Познина Н. А.** Педагогические риски технизированных образовательных сред // Педагогика. – 2010. – № 4. – С. 33–42.
5. **Берулава Г. А., Берулава М. Н.** Новая методология развития личности в информационном образовательном пространстве // Педагогика. – 2012. – № 4. – С. 11–20.
6. **Тестов В. А.** Информационное общество: переход к новой парадигме в образовании // Педагогика. – 2012. – № 4. – С. 3–10.
7. **Новиков А. М.** Постиндустриальное образование. – М. : Эгвес, 2008. – 136 с.
8. **Скачкова Н. В.** Формирование профессиональной компетентности будущего учителя технологии к реализации профильного обучения в общеобразовательной школе : дис...канд. пед. наук. – Томск : Дельтаплан, 2007. – 206 с.

Принята редакцией: 30.01.2013

УДК 378 + 13

РЕФОРМИРОВАНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ В СВЕТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ XXI В.

С. И. Черных (Новосибирск)

В статье рассматриваются некоторые аспекты развития высшей школы России в свете ее дальнейшего реформирования. Автор, анализируя тексты закона «Об образовании в Российской Федерации» и проекта государственной программы Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 гг.», обосновывает тезис о том, что базовые принципы этих документов в большей мере соответствуют «заводской модели» образования, чем педагогическим технологиям XXI в. и принципам «информационной революции, породившей «общество знания». Тем не менее автор считает, что эти документы (при соответствующей доработке) могут служить основанием для возвращения российского образования на лидирующие позиции в мировом образовательном пространстве.

Ключевые слова: андрагогика, образовательное пространство, новый технологический уклад, новые образовательные технологии, реформирование образования, «заводская модель» образования, «информационная революция».

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный аграрный университет, заместитель директора Научно-исследовательского института философии образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: 2560380@ngs.ru

REFORMING OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION IN LIGHT
OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES OF THE XXI CENTURY

S. I. Chernykh (Novosibirsk)

In the article some aspects of the development of the Russian higher education in light of its further reforming are considered. The author, analyzing the text of the law «On education in the Russian Federation» and the project of the state program of the Russian Federation «Development of education for the years 2013-2020», substantiates the thesis that the basic principles of these documents rather correspond to the “factory model” of education than to the pedagogical technologies of the XXI century and the principles of “informational revolution” which has engendered the «society of knowledge». Nevertheless, the author thinks that these documents (after the corresponding modification) can form a basis for returning the Russian education to the leading positions in the world educational space.

Key words: *andragogics, educational space, new technological socio-economic structure, new educational technologies, reforming of education, «factory model» of education, «informational revolution».*

В последние десятилетия идет непрерывный процесс реформирования высшей школы России. Апофеозом реформирования стало принятие (в конце 2012 г.) закона «Об образовании в Российской Федерации». Параллельно с этим законом был опубликован проект государственной программы Российской Федерации «Развитие образования на 2012–2020 гг. Эти два грандиозных документа призваны решить множество тактических задач в области российского образовательного пространства с учетом мировых и национальных тенденций в развитии образования как цивилизационного фактора. Стратегические задачи документов были определены достаточно четко: высокое качество образования и конвертация российских дипломов на мировом образовательном пространстве и мировом рынке труда.

Между тем внимательное изучение этих документов показывает, что при множестве решений, предусмотренных мировой практикой развития образования, в этих документах недостает представленности некоторых актуальных моментов. Задачей статьи является теоретическая экспликация некоторых из них.

Проблема первая. Ее можно обозначить как соответствие российского высшего образования условиям формирования нового технологического уклада. По мнению известного российского экономиста С. Глазьева, выход на новый стационарный режим или новую длинную экономическую волну возникает тогда, «когда после коллапса финансовых пузырей капитал пробивает себе дорогу к новому технологическому укладу. Этот процесс сопровождается усилением международной конкуренции <...> Сейчас мы видим развертывание финансовой войны, которая, надеюсь, не будет переходить в ту эскалацию военных расходов, которая была характерна для прошлых эпох. Просто по той причине, что новый технологический уклад носит гуманитарный характер. Самой большой отраслью

экономики становится здравоохранение, и вместе с образованием и наукой они дают основной спрос на новейшие технологии» [1, с. 3].

В триаде «здравоохранение, образование, наука» нас интересует именно образование. Из приведенной выше цитаты становится ясно, что финансирование как «локомотив» нового технологического уклада должно распространяться на образование в самой значительной степени. На первый взгляд, дело с этим обстоит более чем удовлетворительно (если судить по проекту представленной государственной программы). «Прогнозный объем финансирования государственной программы (в ценах соответствующих лет) за счет средств федерального бюджета составит 6 687753 311,44 тыс. р. до 2020 г.» [2, с. 6], а «совокупный объем затрат на сферу образования по отношению к ВВП (бюджетные средства, средства семей и предприятий, направляемые в систему образования) увеличится с 5,4 до 6,5 %» [2, с. 7]. Однако представленные проекты годовых и более длительных федеральных бюджетов утверждают обратное.

«Расходы на образование в представленном проекте бюджета снижены до катастрофического уровня: если в 2012 г. всего 1 % ВВП, то в 2015 г. и того меньше – 0,7 %, снижается и удельный вес расходов на образование в общей сумме бюджетных расходов: с 4,8 % в 2012 г. до 4 % в 2015 г. Особенно стремительно сокращаются расходы на общее образование: в 2013 г. – на 26 % по сравнению с 2012, а в 2014 году – на 70,4 %. В 2015 г. расходы продолжают снижаться даже по отношению к 2014 г. – на 1,5 %. За трехлетний прогнозируемый период снижение расходов на общее образование составит 78,4 %» [3].

Подобная разница может говорить только об одном: государство сознательно элиминирует себя из сферы образования, причем наиболее интенсивно из той его части, в которой Россия наиболее отстала от стран «Большой восьмерки». А ведь именно общее образование формирует основание того, что сегодня называют «человеческим потенциалом». Согласно специальным докладом ООН, график его падения для России выглядит так: 2004 г. – 15-е место, 2005 г. – 26-е место, 2007 г. – 41-е место, 2008 г. – 54-е место, 2011 г. – 66-е место [4, с. 3]. Между тем уже давно известно, что прошлый структурный кризис, который и породил в 1970–1980 гг. ядро нового технологического уклада, длился не менее 25 лет. И начало XXI в. привело к смене парадигмальных оснований не только в образовательных технологиях, но и принципах государственной политики в этой области человеческой жизнедеятельности. В условиях такого перелома элиминация государства и его средств из образования, перекладывание этих расходов на плечи «семей и предприятий» не смогут принести желаемых и обозначенных в законе и проекте программы ориентиров его будущего состояния.

Новая экономическая реальность требует перестройки социальных структур, государственной политики, федеральной сети безопасности. Возникает и развивается новая формация, основой которой становится производство нематериальных товаров, в том числе: анализ данных, финансовые услуги, консультирование, виртуальные модели, виртуальное обучение и менеджмент. По прогнозным оценкам, уже к 2050 г. количество работников умственного труда возрастет с 25 до 50 % от общего ко-

личества работников в обществе. «Что еще важнее, они станут в экономике самым ценным сектором работников», который Друкер назвал «доминантным» [5, с. 13]. С сожалением можно отметить то обстоятельство, что и образовательные структуры, и государственная образовательная политика (если судить по текстам закона и проекту программы) реформируются по устаревшим лекалам, увеличивая, а не сокращая наше сегодняшнее отставание.

Действительно, еще в своем классическом труде «Управление в будущем обществе» П. Друкер писал: «и по скорости, и по своему влиянию информационная революция чрезвычайно напоминает двух своих предшественниц в последние два столетия, первую индустриальную революцию конца XVIII в. и начала XX вв. и вторую индустриальную революцию конца XIX века». Ему же принадлежит знаменитое высказывание: «следующее общество будет обществом знаний. Основным ресурсом станут знания, а работники умственного труда станут доминирующей группой в трудовых ресурсах» [6, с. 129, 296, 299]. Экстраполируя мысли П. Друкера на образование, В. Дрейвс и Дж. Коутс в своей «Педагогике XXI века» подчеркивают: «система образования – один из важнейших элементов социальной инфраструктуры, поэтому она должна быть преобразована. Современная система образования, так хорошо служившая последние 100 лет, сегодня устарела. Она не может оставаться застывшей. Модель изжила себя. А поскольку система образования не может оставаться постоянной, она должна, да и преобразуется в более актуальную для учащихся XXI века систему. Сельская однокомнатная школа также была неплохой, но просто устарела и не могла обеспечить ни способ, ни качество образования, необходимые индустриальной эпохе последнего столетия. По той же причине, и точно так же, заводская модель системы образования индустриальной эпохи уже больше не соответствует новой экономике, эпохе Интернета, XXI веку» [5, с. 5].

Отсюда возникает вторая проблема: в чем несоответствие «заводской модели» образования новой «информационной модели»? У. Дрейвс и Дж. Коутс отвечают на этот вопрос так: «ключевым моментом заводской модели является то, что эта модель надзора над человеком, планирования, как люди исполняют обязанности и действуют» [5, с. 6]. Заглянем в наши рабочие программы, которые в неисчислимом количестве тиражируются по всем направлениям и специальностям. Важнейшей их компонентой являются компетенции и зуны – знания, умения, навыки. Поэтому и учащиеся учатся «в заводской обстановке» образовательных учреждений (вплоть до звонков на занятия) и, главное, преподаватели преподают методами, определяемыми «заводской системой». Классическим подтверждением этого, на наш взгляд, являются многочисленные уровни контроля за качеством обучения и, в частности, балльно-рейтинговая система. Наверное, в индустриальную эпоху это приносило свои результаты, так как большинство выпускников направлялись на завод, в офисы, где встречались с организацией, использующей пирамидальную структуру управления.

Но сегодня, в связи с информатизацией и глобализацией, пирамидальные организации преобразуются в сетевые, «так как экономика становится более специализированной, сегментированной, распределенной по ни-

шам, умственные работники имеют очень узкую специализацию и работают в очень сегментированных, узких должностях и профессиях. Говорят, что в прошлом веке для миллионов людей была дюжина работ, а в этом веке для дюжины людей имеются миллионы работ» [5, с. 13]. Поэтому совершенно не случайно множество выпускников системы высшего профессионального образования не работают по приобретенной специальности. Многие исследователи тенденций развития образовательного процесса видят причину этого в несовпадении векторов развития профессионального образования и потребностей экономики страны. Прямым подтверждением этого является невостребованность выпускников в рамках пирамидальной организации взаимодействия экономики с образованием и управления этим взаимодействием. И, как следствие этого, происходит пополнение армии безработных. «Только по официальным данным Росстата, безработных в России насчитывается 4 млн 773 тыс. человек трудоспособного возраста. При этом, поскольку у значительной части населения отсутствует стимул к регистрации своего статуса безработного (а это в основном молодежь с образованием в возрасте 23–35 лет), эти сводные данные являются некорректно заниженными. По разным оценкам, в России насчитывается порядка 8 млн формально занятых, но фактически безработных лиц» [7, с. 7], а не менее 6 % выпускников высшей школы сразу после получения диплома отправляются на биржу труда. Не случайно множество вузов сегодня создают в своей структуре отделы по трудоустройству выпускников, пытаясь решить проблему «сверху», «пирамидальным» путем.

Принцип работы сетевой организации в экономических и управленческих структурах описан в работе Б. А. Пастернака и А. Дж. Висцио «Корпорация без центра» [8], а также в работе Дж. Хейгла III и А. Г. Армстронга «Чистая прибыль», где объясняется необходимость замены «пирамиды» сетями в условиях меняющейся экономики [9]. Сутью замены «пирамиды» в образовании на «сети» является не столько его формализация (стандарты и др.), сколько изменение собственно образовательного взаимодействия. Сущностью этого изменения является переход от педагогики как «искусства преподавания» к андрагогике как «искусству учебы» (термин Малколма Ноулза). Именно этот переход и отличает «заводскую» модель образования от «информационной». Сегодня любой учащийся имеет (через Интернет) такие информационные ресурсы, которые не могут «перекрываться» только преподавателем. В образовательный процесс втягиваются соученики, родители, старшие, профессионалы, которые становятся дополнением к преподавательской команде, а новым функциональным оформлением таким образом организованного процесса для преподавателя становятся роли предметного эксперта, андрагога, организатора и консультанта и только в конечном счете – экзаменатора. И в законе «Об образовании», и в проекте государственной программы эти функции практически не прописаны, а приоритет отдается финансовому аспекту.

В 2014 г. (по проектным оценкам) будет сформирован и, возможно, реализован новый профессиональный стандарт – «стандарт учителя». Такой, кстати, недавно принят в Англии. Определяющими принципами этого стандарта будут являться:

– совместная работа в учебном процессе (как реальная, так и виртуальная);

– онлайн-составляющая, которая, по мнению некоторых исследователей, будет занимать в XXI в. половину всей учебы [5, с. 3];

– повышение роли образовательных ресурсов вне учебных заведений, что делает само преподавание способом учебы, когда ученики учат учеников, а взаимодействие преподавателей и учащихся имеет практически непрерывный характер;

– главным в этом процессе будет переход в учебе «от возраста к ступени», «то есть учащиеся должны учиться, тестироваться и продвигаться, основываясь на своей “ступени” развития, а не на возрасте, как это происходит сегодня в большинстве школ» [5, с. 34]. Это сопровождается персонализацией обучения (термин Дианы Лориллард, профессора образовательных технологий, Великобритания) и гибкими учебными программами [10].

По поводу персонализации обучения У. Дрейвс и Дж. Коутс пишут: «персонализация – это не просто один подход или метод, это всеобъемлющая, всеобщая педагогическая стратегия этого столетия, заменяющая заводскую модель преподавания и учебы. Это главная идея, цель и стратегия для образования и каждого преподавателя. Образование и преподавание преобразуются вокруг персонализации и подгонки (под каждого отдельного учащегося)» [5, с. 65–66]. Любопытно, что эта стратегия явно потребует не сокращения, но увеличения преподавательского корпуса. В России процесс идет с точностью до наоборот. План мероприятий по сокращению преподавателей изложен в распоряжении Правительства РФ № 2620-р от 30.12.2012. «Согласно «дорожной карте» Минобрнауки, количество школьных учителей должно уменьшиться почти на 90 тыс (около 20 %), разъяснил О. Смолин – первый зампред комитета Государственной Думы по образованию. Преподавателей средних специальных учебных заведений – почти на треть, вузов – на 44 %» [11, с. 4].

Эту тенденцию подтверждает и закон, и программа, хотя статистические объемы сокращения здесь поменьше. Проект программы определяет эту тенденцию следующим образом: «численность преподавателей в ведущих вузах (около 23 % расходов на образование в соответствующих вузах в 2012 г.) остается неизменной, а численность преподавателей в специализированных отраслевых вузах (около 19 % расходов в соответствующих вузах в 2012 г.) сокращается в 2013–2017 гг. на 10 %. При этом численность преподавателей в остальных вузах сокращается почти на 20 %. Соответствующая оптимизация численности преподавателей вузов обусловлена сокращением численности обучающихся в 2012–2016 гг. до 30 % в результате негативных демографических тенденций, введения минимальных требований (более 800 стандартов) к уровню подготовки поступающих на бюджетные места в вузы, а также развития трехлетних программ прикладного бакалавриата, на которых будет обучаться до 30 % от поступающих на программы высшего образования к 2020 году» [2, с. 109–110].

Таким образом, можно констатировать, что по ведущим базовым принципам и закон, и проект программы основаны на «заводской модели» образования. Однако некоторые моменты можно рассматривать как действительно «прорывные» в реформировании российского образовательного

пространства и возвращении российского образования на лидирующие позиции в мировом образовательном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев С. Мировая война печатных станков // Аргументы недели. – 2012. – № 50. – 27 дек.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2882>
3. В указах процветание, в бюджет – нищета // Советская Россия. – 2012. – № 115 (13768). – 16 окт.
4. Политика воспитания раба // Правда. – 2013. – Янв.
5. Дрейвс В. А., Коутс Дж. Педагогика XXI века. – США : Издательский отдел Сети Учебных Ресурсов (LERN). – 206 с.
6. Друкер П. Ф. Управление в будущем обществе. – Нью-Йорк : Truman Talley Books, 2002. – 346 с.
7. Миронов-Тверской Д. Иго нищеты // Советская Россия. – 2012. – № 116 (13769). – 18 окт.
8. Пастернак Б. А., Висцио А. Дж Корпорация без центра // Simon and Schuster. – Нью-Йорк, 1998. – 320 с.
9. Хейгл Ш. Д., Армстронг А. Г. Чистая прибыль. – Бостон : Harvard Business School Press, 1996. – 280 с.
10. Hauser M. University in the age of instrumental rationality. Adorno and the decline of education // Philosophy of education. – 2012. – N 5. – P. 3–10.
11. А кто научит? // Аргументы и факты. – 2013. – № 6.

Принята редакцией: 30.01.2013

УДК 001 + 13 + 316.3/4

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫТИЯ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Г. А. Шулугина (Саранск)

Целью данной статьи является анализ особенностей функционирования науки в условиях сциентификации общества. Автор рассматривает позиции науки в современном обществе, выявляет новые тенден-

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств проекта 2.1.2 «Решение комплексных проблем формирования профессиональной компетентности педагога и психолога в системе непрерывного образования» мероприятия 2.1. «Развитие фундаментальных, прикладных исследований и НИОКР по гуманитарным направлениям науки и образования». Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» на 2012–2016 гг.

© Шулугина Г. А., 2013

Шулугина Галина Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева.

E-mail: shuluginagalina@mail.ru